
Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

В АРХАНГЕЛЬСКЕ НА ГЛАВНЫХ РОЛЯХ — ЛЕНИНГРАДЦЫ¹

К началу Великой Отечественной войны писателей в Архангельске жило совсем немного. И за время «сороковых роковых» больше не стало — их было даже меньше, чем эвакуированных в город на Северной Двине ленинградских коллег.

Самый известный из архангелогородцев той поры — сказочник С. Г. Писахов, которому шел седьмой десяток лет. Он преподавал в школе рисование. Выживал с трудом, как и многие его земляки.

Писахову повезло: Архангельск дал стране все, что мог, ценою жизни, по данным загса, 38 тысяч горожан. Они умерли от голода, холода и болезней. В 1941—1944 годах не стало каждого пятого архангелогородца. После блокадного Ленинграда наш город — на втором печальном месте по смертности среди мирного населения на тысячу жителей. Но на фронт своевременно отправлены ленд-лизовские грузы, ему поставались лес, целлюлоза, рыба, для него ремонтировались корабли.

Ленинградцы — это военкоры Юрий Герман, Владимир Беляев и другие. (Ребенок супругов Беляевых умер в Архангельске — это последствие жизни в блокаде.) У них были свои обязанности как у военных людей: они выезжали на фронт, писали репортажи, очерки, заметки в газеты и для Телеграфного агентства Советского Союза. Но и о писательстве не забывали. К примеру, в 1943 году, к 25-й годовщине Красной армии, в Большом драматическом театре (так назывался в ту пору театр драмы имени М. В. Ломоносова) поставили спектакль «За здоровье тех, кто в пути» по пьесе Ю. П. Германа — о моряках, участниках плаваний в северных конвоях. Но среди действующих лиц — и англичане, капитан парохода, летчик, его мать. Союзникам автор справедливо отдавал должное.

24 февраля 1943 года в областной газете «Правда Севера» опубликована рецензия «В честь тех, кто в пути» Беляева на эту пьесу Германа. Рецензент рассказал о капитане торгового парохода Гогитидзе (имя не названо) — «храбром капитане, горячем умном человеке беспокойной грузинской крови», который стал прообразом главного героя. Герман познакомился с Гогитидзе, в порту на пароходе «целые дни и ночи просижи-

Сергей Николаевич Доморощенов родился в 1952 году в Архангельске. В 1975 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Автор десятка книг очерков, интервью, рассказов, среди них — «Неоконченный спор», «Разбитое зеркало», «Свеча Николаю Угоднику», «Я немножко тоже Русь». В 2019 и 2020 годах двумя изданиями вышла его книга «Великий счастливец. Биография Федора Абрамова».

¹ Глава из готовящейся к изданию рукописи «Писатели Севера в необычном времени. К 85-летию Архангельского регионального отделения Союза писателей России».

вал у него». Общался с людьми в каютах, где «сохранился еще с рейса кислый пороховой запах, плотники и маляры заделывали повреждения».

Гогитидзе стал в пьесе из четырех действий и шести картин Галактионом Абашидзе, капитаном парохода «Салтыков-Щедрин». «Эта роль, в которой умело соединена жизненная правда с маленькой долей литературного вымысла, — написал Беляев, — является удачей автора».

Рецензент почему-то сказал о романтике: «В пьесе заключена еще совершенно неизвестная ни советской литературе, ни драматургии романтика конвоев с их внезапными, почти таинственными исчезновениями в рейсе, с ежеминутной опасностью на пути, в ней показано рождение дружбы между русскими и английскими моряками. Она написана в честь тех, кто в пути, и недаром в ней часто поднимают бокалы за здоровье плавающих и путешествующих».

Северный историк театра Юрий Угаров в своей книге «Театральный Архангельск» написал, что зрители спектакля «с напряжением следили за поединком советского корабля с немецкими самолетами». Как уж это выглядело на сцене, сейчас трудно сказать.

Сезон 1944–1945 годов открылся в драмтеатре спектаклем «Белое море» по пьесе того же Юрия Германа. Как раз в Архангельске Юрий Павлович начал разрабатывать темы, которые вошли в его роман «Россия молодая» — о времени Петра Великого, о защите нашего города от шведов, о подвиге кормщика Ивана Рябова и так далее.

Рябова играл в спектакле Сергей Плотников — будущий народный артист СССР, личность, горячо любимая в Архангельске и области не только театралами. А в сериале начала восьмидесятых годов «Россия молодая» (режиссер Илья Гурин) Плотников сыграет Антипа Тимофеева, отца Таисьи Рябовой.

У Сергея Николаевича Плотникова — главная роль и в спектакле «Русские люди» (поставлен в 1942 году) по пьесе тоже не чужого для Архангельска человека — Константина Симонова. Героический журналист и писатель трижды был во время войны в Архангельске. Здесь он написал поэму «Сын артиллериста», которую охотно учили наизусть советские школьники: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла...» Первым исполнителем поэмы — уже в 1941 году — стал тот же Плотников.

В 1944 году в писательской организации обсуждали фрагменты будущей «России молодой». Наверно, автор услышал какие-то советы.

По воспоминаниям ответственного секретаря «Правды Севера» военных лет и будущего литературного краеведа Бориса Пономарева, Герман, которого Борис Семенович часто видел в своей газете, «находил время рыться в архивных материалах, прочитал немало книг о Петре I на Севере, о строительстве Новодвинской крепости, о Соломбальской и Вавчугской верфях, изучил культуру и быт Петровской эпохи. Он не только делился с нами тем, что узнал, но и расспрашивал нас о многом: о Гостином дворе, где помещались типография и редакции наших газет, о Соломбале, о Мосеевом острове».

В свое время я брал интервью у кинорежиссера Алексея Германа, который очень любил отца и готов был рассказывать о нем при каждом удобном случае. «Отец получил задание от начальника политуправления флота написать историческую вещь о России. Отец всегда знал, что настоящая Россия начинается с Архангельска, с поморов, которые говорили: „Мы богатые не кланяемся“. Вот такие были гордые. Отец очень любил поморов. Они — вообще какая-то другая порода людей... Так что „Россию молодую“ Юрий Герман стал писать по заданию флотского начальства».

Наш драматический театр осенью 1943 года принял к постановке пьесу ленинградца Александра Чиркова «Беспокойный адмирал» — о знаменитом адмирале Степане Осиповиче Макарове. Но театр поторопился: в Москве лицам, принимавшим решения, пьеса не понравилась, и спектакль не состоялся. А Юрий Герман надеялся увидеть «инте-

ресную, серьезную» пьесу на архангельской сцене, поэтому предложил «Правде Севера» рецензию на работу коллеги. Рецензия вышла 22 октября 1943 года.

«В основу своей пьесы Александр Чирков положил, — написал Герман, — историю изобретения Макаровым наконечника к артиллерийскому снаряду, увеличивающему пронизывающую способность. Современный бронебойный снаряд есть развитие макаровского изобретения.

Кроме великого русского моряка в пьесе Александра Чиркова действует величайший русский химик Дмитрий Менделеев — близкий и глубоко чтимый Макаровым человек. Затем проходит целая галерея морских чиновников царской России. ...С безразличными тунеядцами, с хитрецами-взяточниками вступает в борьбу пламенный патриот, верный сын России, „беспокойный адмирал“ и, пройдя тяжелейшие испытания, побеждает».

В марте 1948 года глава северной писательской организации Константин Кониичев, будущий ленинградец, представил в Архангельский обком КПСС записку о работе областного издательства, о содержании послевоенного альманаха «Север». Заметил, что журнал «Советская книга» и «Литературная газета» подвергли критике «Беспокойного адмирала» за то, что Макаров «показан в пьесе неясно и двусмысленно». А может быть, дело еще в том, что мало и плохо изобразил незадачливый драматург тунеядцев и взяточников?.. Нет, не Салтыков-Щедрин он, не годится пьеса!..

В середине тридцатых годов прекратился в Архангельске выпуск литературного журнала. В 1943 году во многом благодаря Герману и Беляеву вышел литературно-художественный альманах «Север», номер первый и последний за время войны. Следующие номера этого издания будут выпускать уже после победного мая.

Что же в том «Севере»? Все темы — военные. Пафоса — некоторый переизбыток. Но, возможно, в то время он не мешал... В альманахе, в частности, повесть Александра Чиркова «Люди дальних постов», шесть рассказов Юрия Германа (три под псевдонимом «Ф. Корнеев»), рассказы Владимира Беляева, Александра Чиркова, стихи Александра Чуркина, автора песни «Вечер на рейде» («Прощай, любимый город, Уходим завтра в море...»).

Один из рассказов Германа, «Матросская гордость», — о русских и американских моряках, погибавших на своих плотках и шлюпках, но не пожелавших принять подачку, продукты питания, с немецкой подлодки — их бы снимали в тот момент для пропагандистского фильма.

Владимир Беляев в рецензии на альманах («Правда Севера». 20 ноября 1943 года) критически отозвался о «Людах дальних постов» Чиркова: «Слишком быстро и почти без всяких видимых препятствий, как в сказке о скатерти-самобранке, заготавливают моряки овощи на зиму, спасают терпящих бедствие рыбаков, воюют с фашистским миноносцем».

В альманахе же — очередной сказ члена Союза писателей с 1938 года Марфы Крюковой, жительницы деревни Нижняя Зимняя Золотица, — о младом поморе Фоке. Предлагаю вниманию читателей часть отрывка, занявшего в «Севере» десять страниц (из главы «Про то, как Фока с немцами-злодеями воевал»):

Как услышал-то помор молодой Фока,
 Что злой немец-от на нас войной пошел,
 Могучи плечи его сшевелелися,
 Лепота в лице переменялася,
 Ретиво сердце растревожилось.
 Распростился он с молодой женой,

Прижал детей к груди ко молододецкой:
«Вы не плачьте по мне, не тужите-тко,
Оберегать иду свою родину,
Море Белое студеное любимое,
Защищать иду весь народ родной;
Не допущу до вас я, дети малые,
Змей лукавых семиглавых все,
Отрублю я хоботы змеиные,
Перебью змей всех я до единого,
К вам живой вернусь скорехонько».

Сказ записал и обработал в мае 1943 года Александр Морозов, еще один эвакуированный осенью 1942 года из Ленинграда писатель (историк русской и зарубежной литературы, переводчик, фольклорист). Он и его жена фольклористка Эрна Георгиевна Бородина-Морозова, тоже член Союза писателей, по командировке Союза писателей СССР записывали «крюковские» сказы, былины, новины. (При том, что перед самой войной в Москве уже вышли два тома былин «от Марфы Крюковой», этого «колосса народного творчества и замечательного поэта», как выразился в 1940 году руководитель творческого союза Александр Фадеев, а первые былины в исполнении Марфы Крюковой фольклорист А. В. Марков записал еще в 1898 году.) Одна из них — «Соловей Будимирович»:

Из-за моря, моря синево,
Из-за синево моря Хвалынскаво
Выходило тут двенадцать черных караблей.
Подходили те карабли ко городу ко Киеву,
Заходили они под самой дворец да все ведь княжеской.

В Архангельске и Золотице Морозовы проживут два года. У нас Александр Антонович Морозов заинтересовался биографией Михаила Васильевича Ломоносова. В 1950 году в Москве, в серии «ЖЗЛ», будет издана его книга о великом поморе. В 1952 году он получит за эту работу Государственную премию СССР.

Работы у Морозовых в 1943 году было очень много, что неудивительно, поэтому Александр Чирков своим приказом продлил им командировку до 1 сентября.

16 июня 1943 года в «Правде Севера» опубликована статья Морозова «У Марфы Крюковой», присланная в редакцию с берега Белого моря. Любопытные строчки:

«Почта приносит в дом Крюковой письма от бойцов. Марфе Семеновне пишут и личные знакомые и те рядовые бойцы, которые ее знают только по ее творчеству». Один из бойцов «присылает ей почти с каждой почтой по аккуратно сложенному треугольничку — он писал ей и перед боем, и из госпиталя после ранения. Долгие зимние вечера Марфа Семеновна диктует ответы своим многочисленным корреспондентам». И далее: «Невозможно в короткой статье охарактеризовать все своеобразие и выразительность находок сказительницы».

Во время войны «пропевания» М. С. Крюковой публиковались в разных изданиях Советского Союза.

В 1939 году Марфа Семеновна Крюкова награждена орденом Трудового Красного Знамени, а в 1946 году — высшим орденом СССР, Ленина. В свое время ее произведения изучались в школах. Было это правильно: они — наша «античность». Исследовательница ее биографии и творчества Елена Нелаева написала: «Ее былины выразительны,

богаты сюжетами, передают патриотическое и социальное содержание времени. Хотя фольклорные экспедиции, организованные по инициативе Государственного Литературного музея и Пушкинского Дома, работали с ней долгие годы, репертуар сказительницы в полном объеме остался незаписанным и работа фольклористами не была завершена».

Еще одна цитата из Е. С. Нелаевой — по книге «Здравствуй, морюшко Белое!»: Марфе Семеновне «помешали пронести свой дар с честью, не дали работать в полную меру. Талантливой женщине без конца советовали, как думать, о чем говорить и пропевать так, как пропевает, например, Сулейман Стальский о вождях. Свои советы-повеления скрепляли подписями-закорючками и печатями. ...Механическое соединение архаичных форм поэтики и языка с современными реалиями жизни ослабило художественную ценность сказов...»

Наверно, в писательской организации 1944 года понимали то, что опубликовано у Нелаевой в 2001 году, поэтому на собрании, говоря о работе Морозова и Бородиной-Морозовой, посчитали очень важным «записать старинные былины о героическом прошлом русского народа».

В апреле 1951 года, незадолго до смерти великой сказительницы, от нее, колхозницы, которая, как и все, зарабатывала трудодни, «принято в госпоставки» по сельхозналогу 2 килограмма 700 граммов сливочного масла... Едва не до последних дней приходилось ей работать на сенокосе, чтобы обеспечить корову кормом, которую Крюковы, сестра Серафима Семеновна (она моложе, но тоже не в молодых годах) и Марфа Семеновна, содержали вдвоем. Еще и от овец не отказывались.

...Тираж альманаха — пять тысяч экземпляров. Я читал его в краеведческом отделе Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова, где он хранится в фонде «Раритет».

В альманахе — имена людей, так или иначе связанных с историей литературы Севера. Некоторые из них ничего не говорят современному читателю. Но Писахова в альманахе нет!.. Почему? Непонятно. (Надеюсь разобраться в этом в будущем.) Писал Степан Григорьевич уже немного. Но писал же. К примеру, 7 ноября 1943 года в «Правде Севера» опубликован его небольшой рассказ «Дети». Он мог бы и в альманахе появиться. Вкупе с чем-нибудь еще писаховским.

Привожу начало этого рассказа:

На ступеньках крыльца собрались дети. Старшему еще нет пяти лет, младшему исполнилось три года.

Вова, четырех с половиной лет, предложил новую игру.

— Я буду информбюро.

Четырехлетняя Нина сказала:

— Встань выше. Информбюро — это очень высоко, на улице говорит с высокой высоты и у нас дома высоко на стене, а у тети Паши говорит с комода, — это тоже высоко. Информбюро надо высоко стоять, чтобы всем было слышно...

Вова поднялся на верхнюю ступеньку крыльца, вытянулся во весь рост и немного приподнялся на носках, чтобы быть еще выше, и заговорил, подражая голосу диктора:

— Внимание! Наша доблестная Красная Армия заняла город...

Вова забыл название города. Маленькая Аня подсказала: Изюм.

— Целый город Изюму наш стал. Немцы теперь без сладкого остались.

Гонорар полагался за такую публикацию скромный... 17 марта 1946 года Степан Григорьевич на писательском собрании благодарил уполномоченного отделения Союза писателей Александра Чиркова, его заместителя и уполномоченного отделения

Литфонда Александра Миронова за то, что они «заботой обо мне сохранили мне жизнь, — цитата по протоколу собрания. — Нет слов, чтобы поблагодарить за это наших товарищей».

Каким образом могла проявляться забота? Например, получением карточек с литерами «УДП»: «Усиленное дополнительное питание». По ним выдавали по кусочку мяса или сала тюленя. Но поскольку немного его было, да и непостоянно его выдавали льготникам, остряки говорили: «УДП — значит Умрешь Днем Позже»... И все же поддержка-то была. И памятник тюленю поставлен в Архангельске не благодаря настоящим и мнимым защитникам природы, а тем, для кого война была священной.

В архиве писательской организации я прочитал экземпляр документа — увы, без даты — список «членов Союза советских писателей, проживающих в г. Архангельске для литерного снабжения, согласно приказа № 308 НКТ СССР». НКТ — Народный комиссариат торговли. Документ составлен для областного торгового отдела. Одна из граф — «Каким снабжением пользовался до сих пор». Читаю: Беляев, спецкор Совинформбюро — 1-я группа; Герман, спецкор ТАСС, Крюкова — «персональн.»; Чирков (местом работы названа газета «Северная вахта») — 1-я группа; Писахов (школа) — 2-я группа.

На том же собрании 1946 года Александр Чирков не забыл упомянуть о различных подарках всем писателям — американской одежде. Но прежде всего в своем отчете о недавно проделанной работе он сказал о пенсии для Писахова как о заслуге всего отделения союза.

Пенсию Степану Григорьевичу оформили не в свой срок: сказалось его незавидное прошлое: во время Гражданской войны и интервенции он был автором белогвардейских газет.

Уполномоченный писательской организации — это штатная единица, с оплатой работы. Если Чирков как глава отделения союза работал несменяемо, то в должности уполномоченного Литературного фонда побывал и тот же А. Чирков, и Л. Фридланд (ленинградец Лев Семенович Фридланд — прозаик; майор медицинской службы, врачом служил еще в старой армии, в 1915—1917 годах).

В конце октября 1944 года братья-писатели отметили 65-летие Писахова. Об этом праздновании рассказал в книге «Литературный Архангельск» Борис Пономарев. «В редакции военной газеты собралось человек пятнадцать-двадцать (похоже, имеется в виду газета Архангельского военного округа „Патриот Родины“. — С. Д.). Тепло, от души приветствовали юбиляра... После этого все пошли в ресторан, помещавшийся в деревянном здании на самом берегу Северной Двины. На улице было холодно и темно, хоть глаз выколи. За парашютом внизу, разбиваясь о валуны, глухо шумели двинские волны».

После прогулки в погоду не самую лучшую согрелись в теплом — и светлом — зале, который показался посетителям особенно уютным. Подали (столы были уже накрыты) очень скромный ужин. Почитатели таланта сказочника и художника пили водку, трезвенник Писахов радовал душу чаем. Теплые слова растрогали его, он «стал торопливо рассказывать новую бывальщину».

Потом писатель-маринист Александр Миронов и Юрий Герман ушли на кухню, вернулись с блюдом, покрытым салфеткой. «А сейчас, — нарочито торжественно сказал Миронов, — юбиляр нас будет потчевать кулебяками». Кулебяки были с семгой.

Военные люди, офицеры, многое могли, в том числе и деликатесную рыбу раздобыть.

Руководство писательской организации нередко безуспешно бодалось с местным книжным издательством, которое (отчасти из-за боязни получить трепку от военной

цензуры) предпочитало издавать не произведения, написанные на местном материале, а то, что уже не раз спокойно выходило к читателям — например, рассказы Александра Серафимовича и даже Ги де Мопассана. И шарахался руководитель издательства от рукописей — то от рассказов Владимира Беляева «Ленинградские ночи», то от книги Александра Чиркова «Люди дальних постов» (о морях-беломорцах), то от работы Льва Фридланда «Как они возвращаются» (о том, как благодаря военным врачам снова вставали в строй получившие раны на фронте солдаты), а то и от сказок Степана Писахова. Книгам некоторых членов писательской организации не сложнее было выйти в Москве, чем в Архангельске.

Интересно, что и в войну деньги Архангельскому отделению Союза писателей выделялись из Москвы на многое: не только на аренду помещения, оплату электроэнергии, канцелярских и почтово-телеграфных расходов, но и на выпуск периодической литературы, «работу по северному фольклору», работу с начинающими литераторами, «творческие командировки по обслуживанию посевной, уборочной кампании, сплава», на медицинскую помощь писателям, на пособия при несчастных случаях и так далее.

Александр Григорьевич Чирков — 1892 года рождения, из рабочих, с 1914 года — матрос Балтийского флота; в 1918 году «с отрядом моряков Балтики участвовал на фронте борьбы с Юденичем»; литературной работой занимался с 1926 года; член ВКП(б) с 1927 года; в 1934 году окончил Ленинградскую академию искусствознания; за границей не был, никто из родственников за рубежом не жил; не судим; капитан береговой службы, начальник отдела агитации и пропаганды газеты Беломорской военной флотилии (информация из личной карточки члена Союза писателей).

На 1 января 1944 года в Архангельском отделении состояло на учете — вместе с ленинградцами — 12 человек. Потом стали оставаться только немногочисленные наши земляки: большинство писателей вернулось в город на Неве; Александра Евгеньевича Миронова тянуло в родную Белоруссию, и после 17 лет жизни на Севере он в 1946 году уехал в Минск.

Перед отъездом семьи эвакуированных писателей получили от Союза писателей материальную помощь.

За время Великой Отечественной войны писатели выступали с рассказом о творчестве и чтением своих произведений в разных аудиториях — в филармонии, госпиталях, на кораблях, предприятиях, в гарнизонном Доме офицеров, областной библиотеке имени Н. А. Добролюбова.

В 1944 году в филармонии состоялся платный вечер, сбор от которого пошел в фонд помощи детям, пострадавшим от фашистов.

Уехал из Архангельска и Владимир Беляев. Работал в Западной Украине. Жил во Львове. Входил в комиссию по расследованию зверств фашистов. В 1960 году переехал в Москву. Написано им немало. В частности, в 1971 году в серии «ЖЗЛ» вышла его и соавтора Анатолия Елкина книга «Ярослав Галан», о западноукраинском писателе-коммунисте, убитом врагами советской власти во Львове в 1949 году.

В номере «Литературной газеты» за 1–7 июня 2016 года автор заметки «И это МГУ?» Александр Трубицын высказался таким образом о невежестве дамы-профессора из нашего главного университета: «...позор не лично дамы (каких только дам не бывает!), но позор того учреждения, где дамам с таким уровнем образования и общей культуры дают звание профессора». Эти слова — отчасти в связи с тем, что дама-писатель, переводчик, доктор филологических наук не читала «Старую крепость» Владимира Беляева. И советский фильм по этой книге не смотрела, названный Трубицыным «прекрасным».

...Писателей-ленинградцев, живших во время войны в Архангельске, у нас не забывают.